

УДК 94(571.53)

Земледельческие занятия и промыслы населения Иркутской губернии в XVII – начале XIX вв.

В. П. Шахеров

Иркутский государственный университет, г. Иркутск

Статья посвящена формированию сибирского земледелия. На материалах Восточной Сибири рассказывается об организации пашни на местах, усилиях воеводской власти по крестьянской колонизации Ангары и Лены. Приведен значительный фактический материал об условиях земледелия, роли и месте внеземледельческих промыслов в крестьянском хозяйстве.

Ключевые слова: Восточная Сибирь, колонизация, пашня, крестьяне, десятина, промыслы.

Одной из неустанных забот сибирских властей была организация снабжения хлебом вновь присоединенных территорий. Питаться длительное время только тем, что давали сибирские леса и реки, русское население, основу питания которого традиционно составляла растительная пища, не могло. Документы начала русской колонизации Сибири пестрят жалобами на скудость и непривычность пищи: «Едим траву и коренья...», «...чего на Руси и скотина не ест», «...помирали голодной смертью, и души сквернили – всякую гадину и медвежатину ели» и т. д. Первоначально хлебные запасы доставлялись из поморских и уральских уездов России, а затем из земледельческих районов Западной Сибири. Перевозка хлеба на тысячекilометровые расстояния была крайне сложным предприятием и занимала много времени. Поэтому местные власти прилагали значительные усилия для организации пашни на местах. Уже в первом описании Ленского края А. Палицына, составленном в 1630-х гг., содержалась мысль о возможности заведения пашни по Ангаре, Оке и в верхнем течении Лены. В ходе первых походов на Илим и Лену казакам предписывалось подыскивать удобные под пашню места. В наказе первым ленским воеводам содержалось требование «высмотреть того накрепко, можно ли на Лене реке в которых местах пашни завести и пашенных крестьян устроить, ... а ис Тобольска хлеба не посылать» [12, с. 110].

Еще на пути к Якутску с Ленского волока воеводы Головин и Глебов отправили на Лену осенью 1640 г. тобольского пятидесятника Курбата Иванова. Обследовав верховье Лены, он насчитал здесь около 4 тыс. десятин пригодной для пахоты земли и почти 24,6 тыс. копен сенных покосов. Первые же обследования позволили Головину отписать в Сибирский приказ о возможности «хрестьянинов 600 и больше» устроить на пашню от устья Куты вниз по Лене до Киренги и Витима. Кроме того, в районе устья Киренги и Тунгус-

ского волока были обнаружены земли для устройства крестьян «200 и больше» [17, с. 162].

К моменту воеводского досмотра крупное пашенное хозяйство на Лене было заведено устюжским уроженцем промышленным человеком Ерофеем Хабаровым. Известный сибирский землепроходец появился на берегах Лены в 1632 г. Со своим братом Никифором, племянником Артемием Петриловским и промысловой артелью он занимался добычей пушного зверя на верхних притоках Лены. «Старый опытовщик» и торговый человек, он ранее других обнаружил соляные месторождения в устье Куты и в районе Витима. В 1637 г. Хабаров добился дозволения енисейского воеводы в устье реки Куты «в угожем порожном месте пашню завести», да построить там же соляную варницу, «в которой соль варить беспереводно..., чтоб тамочным жителям в хлебе и соли недостатка не было» [11, с. 34]. На пашне и варнице Хабарова было занято 27 наемных работников, набранных из гулящих людей. Подчеркивая свой приоритет пионера земледелия в Илимско-Ленском крае, Хабаров писал спустя несколько лет: «А опричь меня... никто заводу пашенного и варнишного не заваживал» [11, с. 35]. Был соблюден и казенный интерес: каждый десятый сноп хлеба и каждый пятый пуд соли забирался в пользу государства. Недалеко от соляного промысла Хабаровым была выстроена мельница, где обмолачивался собранный хлеб. Торговля солью и хлебом приносила ему значительный доход. Однако хороших отношений с властями у Хабарова не сложилось. Усть-Кутская пашня Хабарова была «взята на государя», т. е. конфискована в казну и послужила началом создания казенной пашни на Лене.

Сам Хабаров перенес свои опыты на новые «угожие» земли. Весной 1641 г. были произведены первые посеы в устье р. Киренги, неподалеку от Киренского острожка. Вновь собрав из разного люда наемных работников, он распахал до 60 десятин земли. Хлебом со своей заимки Хабаров снабжал не только промысловиков, но и казну. Уже на второй год существования киренской пашни он смог одолжить якутским властям 900 четвертей ржаной муки. Снова была построена мельница.

Если у Хабарова все обстояло благополучно, то попытки ленских воевод организовать казенную пашню оставляли желать лучшего. По указанию П. Головина сразу же, без льготного года, с первого урожая у Хабарова была взята не десятая, а пятая часть урожая. Протест Хабарова повлек за собой конфискацию и этой пашни, а сам «опытовщик» за дерзость и «невежливые слова» был брошен в тюрьму. Вскоре после этих событий Е. Хабаров передал свою деревню и хозяйство в устье Киренги во временное пользование пашенному крестьянину П. Яковлеву и отправился в поход на Амур. О его делах и подвигах в этой отдаленной стране хорошо известно.

С 1640-х гг. начинается крестьянское заселение Илима и Лены. Уже в январе 1641 г. Головину «бил челом» промышленный человек Пантелей Яковлев, чтобы «ему быть в пашенных крестьянах на Лене реке на Тунгусском волоку». В том же году «сел на пашню» в районе устья Киренги вологодский крестьянин Иван Сверчков. К 1654 г. на пашню было устроено 13

человек, из них семь были из вольных промышленных людей. Все они получили в качестве подмоги по лошади и деньгами от 20 до 30 руб. В районе Чечуйского острога завели пашню П. Степанов, В. Тимофеев, М. Чащиных.

Одним из источников пополнения сельского населения стала ссылка. В 1643 г. были направлены в Енисейск 78 семей ссыльных черкас (украинцев). Из них 11 человек уже в следующем году были направлены на Лену. Еще 20 семей захватили с собой новые якутские воеводы В. Пушкин и К. Супонев. Половину ссыльных они отправили в Верхоленский острог, остальных посадили на пашню около Чечуйского волока. Всего же до конца XVII в. на землях Илимского и Якутского уездов было посажено более 200 семей ссыльных.

В 1660-х гг. илимские воеводы Л. Обухов и С. Оничков предпринимают новые шаги по развитию земледелия в крае. Так, Обухов сообщал в Сибирский приказ в 1665 г.: «А в Ылимском, государь, уезде сыскал я, холоп твой, пашенных угодных мест по великой реке Лене и по Илге и по Киренге и по Тыпте и по Бирюльке и по иным сторонним речкам, что можно построить пашенных крестьян семей 200 и больше» [15, с. 245]. В 1672 г. на землях уезда проживало уже 264 пашенных крестьянина, к концу же века их число увеличилось более чем в два раза и составило 670 человек. За эти годы значительно выросла хлебная запашка. По данным В. Н. Шерстобоева, в середине XVII в. ленскими крестьянами обрабатывалось 1500–1700 десятин, к концу века ориентировочно 3000–3200 десятин. В дальнейшем численность крестьянского населения и размеры посевов продолжали расти. В 1720–1722 гг. по волостям Илимского уезда посевы составляли около 4 тыс. десятин, а с учетом запашки служилых людей, посадских и монастырей – до 5,2 тыс. десятин. Общая же численность земледельцев определялась в 3747 пашенных крестьян и 233 хлебных обротчиков [15, с. 326–327]. Илимские и Верхоленские волости не только полностью обеспечивали себя хлебом, но и участвовали в снабжении северо-востока Сибири. Якутский воевода И. Гагарин сообщал в 1694 г. о поступлении хлеба из Киренской волости и других мест. Начиная с Е. П. Хабарова, документы отмечают широкую закупку хлеба казной и торговыми людьми в верхоленских районах. Книгой хлебных покупок 1645 г. отмечено 13 сделок, по которым приобретено 964 пуда ржаного хлеба. В дальнейшем для нужд бесхлебного Якутска ежегодно покупали у ленских пашенных крестьян до 2–3 тыс. пудов ржаной муки.

Начало земледелия в Приангарье относится к 1650-м гг. Вскоре после постройки енисейским сыном боярским Д. Фирсовым Балаганского острога к нему были причислены до 60 семей ссыльных для заведения пашни. С ними были посланы на Ангару два жернова и другие мельничные снасти, а также солевая для «соляного опыту». Первым ангарским земледельцам рекомендовалось «столько хлеба посеять, сколько впредь на содержание дальних гарнизонов потребно». Для енисейских властей создание пашни на Ангаре позволяло решить проблемы снабжения хлебом острогов и пограничных караулов в Забайкалье. Енисейский воевода А. Пашков доносил в Москву: «А на Байкал озеро, в Баргузинский острог в посылку ж служилым людям твое государево хлебное жалование даватца учнет в том же новом Балаганском остроге» [13, с. 201–202].

После основания Иркутского острога начинают распахать земли по Куде, Иркуту, Ангаре, Белой, Китою. В 1670–1680-х гг. здесь появляются слободы и села пашенных крестьян. Н. Спафарий упоминает в окрестностях Иркутского острога заимки казаков в устье реки Куды, на левом берегу Ангары – деревни Монастырскую, Вяткину, Каргаполову, заимку казака Ильи Могутова, на правом – деревни Бешенову, Укусникову, Щукину. Об интенсивности земледельческих работ свидетельствует тот факт, что уже в 1684 г. крестьяне деревни Карлуцкой обратились с просьбой об отводе им новой земли, так как «на той Карлуцкой заимке земля выпахалась» [7, с. 24]. Чуть позднее Исбрант Идес, отмечая успехи земледелия в Прибайкалье, писал, что «тому причиной плодородие этой земли. От Иркутска до Верхоленска родится много разнообразных злаков; там находится много русских дворов, которые наживают богатство земледелием и которые кроме этого ничем более не промышленяют» [2, с. 523]. Сибирские власти проявляли особую заботу о создании на местах собственной продовольственной базы. С этой целью на новые земли направляли ссыльных и крестьян из северных уездов России. В 1690 г. в Иркутск было направлено 160 семей из Тобольска и Енисейска для определения на «государеву» пашню. Иркутский воевода Л. Кислянский поселил 40 семей по р. Белой, 61 семью – по р. Куде и Оек, да трех человек в деревнях Урик и Разводная. В 1692 г. ими было распахано 123 десятины земли. Десять человек из этой партии были зачислены в иркутский посад, а 46 человек оказались не у дел, потому что «многие из них стары и дряхлы, а иные увечны, слепы и безноги, кормятца скитаючись меж дворами».

К началу XVIII в. в Иркутском уезде насчитывалось 333 двора пашенных и монастырских крестьян, и число их быстро возрастало. В 1710 г. в уезде проживало уже около 2,8 тыс. крестьян. К этому времени Прибайкалье становится основной продовольственной базой для русского населения Забайкалья. Своевременность и необходимость создания казенной пашни в Прибайкалье наглядно проявилась в 1680-х гг., когда для усиления позиций России в Забайкалье пришлось в сжатые сроки сосредоточить здесь значительные военные силы. Всего потребовалось в течение нескольких лет создать хлебные запасы в 150 тыс. пудов только муки. Несмотря на такие объемы, иркутские власти успешно справлялись с задачей. Уже к осени 1687 г. в Иркутске было запасено 28 тыс. пудов муки. Более 30 тыс. пудов было закуплено у крестьян Иркутского уезда [1, с. 158]. Еще несколько десятков тысяч пудов поставили в восточное Забайкалье частные подрядчики. Среди хлебных подрядчиков выделялись крупнейшие сибирские торговцы Иван и Андрей Ушаковы. В 1690 г. они подрядились доставлять в Удинский острог в течение четырех лет по 7,5 тыс. пудов муки ежегодно. «...А как он Ивашко Ушаков из Иркутского хлебные запасы проводить за море начал, и с тех мест начал хлебный запас в Нерчинских острогах быть дешевле» [13, с. 367]. Для обработки закупаемого в Иркутском уезде хлеба Ушаковы построили в 1678–1681 гг. две мельницы в районе города на р. Иде, которая уже с конца XVII в. стала называться Ушаковкой.

Чтобы облегчить снабжение хлебом казаков и служилых людей, власти поощряли их занятия земледелием, переводя в ряде мест с хлебного жалова-

ния на землю. Правда, при этом следили, чтобы хлебные опыты не мешали интересам казны. В 1681 г. баргузинский приказчик Адам Мосюрка произвел «хлебный опыт» в районе острога. С этой целью из Иркутска были присланы отставной служилый Ф. Кондратьев и пашенный крестьянин С. Андреев. Опыты оказались удачны, и вскоре иркутский воевода перевел несколько десятков казаков в Баргузин на пашню. Но вмешался Сибирский приказ. Ссылаясь на то, что «наперед сего на Байкале пашен не бывало, потому что места лесные и ясашные», последовало указание служилых людей вернуть в Иркутск, чтобы «в байкаловских острогах они пашен не заводили и лесов под пашни не сбили и не жгли, и от того бы де зверь не выводился и ...ясашному сбору недобору не было» [6, с. 214].

В 1670-х гг. появляются первые пашни в Забайкалье. В 1670 г. десятнику Любиму Федорову была отпущена ссуда в 10 руб. для заведения пашни, и уже через два года он сдал в казну 166 пудов ржи десятинной пашни. Своей же пахотной земли у него было не менее 29 десятин. Всего же в эти годы на Селенге было создано около 20 крестьянских хозяйств. Российский посланник в Китай Н. Спафарий, проезжая по забайкальским степям, перечислял много заимок и деревень казаков и крестьян, в которых «хлеба пашут много». Но все же до начала XVIII в. Забайкалье в основном снабжалось хлебом из Иркутского уезда. Так, в 1684 г. на Ангаре для отправки за Байкал было закуплено 16 тыс. пудов хлеба. Только иркутские торговые люди братья Ушаковы ежегодно ввозили в Забайкалье до 7,5 тыс. пудов.

Таким образом, в XVII в. в Прибайкалье были заложены крепкие земледельческие традиции. Иркутские крестьяне не только полностью обеспечивали себя хлебом, но и содействовали развитию хлебного рынка, отправляя значительные партии своей продукции в отдаленные бесхлебные районы края. Илимская и верхоленская пашни стали основной базой снабжения всего северо-востока Сибири, а ангарским хлебом снабжались русские поселения в Забайкалье. В начале XVIII в. в Илимском и Иркутском уездах земледелием занималось до 2,5 тыс. крестьянских семей, еще около 600 хозяйств было сформировано в верхнем течении Лены [9, с. 107].

Основной формой организации сибирского земледелия до середины XVIII в. была «государева десятинная пашня». Верховным собственником всех сибирских земель официально было государство. Частным лицам земля предоставлялась лишь на условиях выполнения поземельной ренты (для крестьян и посадских) или несения службы (для служилого населения). Размеры казенной десятины в разных регионах Сибири колебались от 4 до 7 десятин «собинной» пашни к одной десятине государевой. Семена для засева десятинной пашни выдавались из казны, но и урожай с нее полностью поступал в распоряжение воеводы. Контроль и своевременный сбор казенной десятины поручался специальным приказчикам пашенных крестьян, которые могли вмешиваться в случае необходимости в хозяйственные дела крестьян и даже личную жизнь. Обработка «государевой пашни», ставшая по сути барщиной, была тяжким бременем для сибирских крестьян, отрывала их от собственного хозяйства, сдерживала развитие крестьянской экономики.

На состоянии крестьянского хозяйства сказывалось и то, что оно несло огромный объем повинностей. О разорительности обязательных хлебных поставок в казну говорилось выше. Кроме того, крестьяне выполняли «подводную гоньбу», привлекались к расчистке и исправлению дорог, перевозке казенной соли и вина, выделяли большое число людей для строительства и сплава казенных судов по Ангаре и Лене. И все это, как правило, в самое страдное время. Тяжелым бременем легло на лено-илимских крестьян обеспечение деятельности камчатских экспедиций, основной базой которых стал Илимск. Сотни крестьян сгонялись на перевозку груза и людей, строили в Усть-Куте десятки различных судов, обеспечивали их сплав до Якутска. В то же время в Сибири господствующим был заимочно-захватный способ землевладения. Крестьяне сами расчищали пашни, могли передавать их по наследству, сдавать в аренду, вкладывать в монастырское хозяйство и совершать другие частные поземельные сделки. Крестьяне и в первой половине XIX в. продолжали приобретать землю в основном не по отводу, а путем вольного захвата. Обработанную своими силами землю они считали вправе сдавать в аренду или продавать. «Сибирский крестьянин, – замечал Н. С. Щукин в статье «Быт крестьянина Восточной Сибири», – принадлежит государству, исправляет повинности, платит подати и круглый год работает на себя... У него есть наследственная земля, доставшаяся его дедам по праву первоначального завладения. Он продает ее, закладывает, дарит, и никто ему не препятствует» [5, с. 127].

В XVIII – первой половине XIX в. происходит дальнейшее развитие земледелия в крае. Основным хлебопахотным районом оставалась илимская пашня, но постепенно по мере заселения южных регионов более быстрыми темпами растет земледельческое освоение Прибайкалья и западного Забайкалья. Ленские волости всегда были зоной рискованного земледелия. Здесь наблюдалось даже сокращение посевных площадей. В то же время в Иркутском и Нижнеудинском уездах площадь обрабатываемых земель уже в конце XVIII в. достигла 57 % общегубернской запашки, а к 1840-м гг. составляла 80,5 %. К 1860 г. в предбайкальском сельскохозяйственном районе насчитывалось до 79 тыс. крестьян муж. пола, а общая площадь пашни достигала 500 тыс. десятин [9, с. 220]. Не менее быстрыми темпами росло земледелие в Верхнеудинском уезде, в основном в долине Селенги. К середине XIX в. здесь было распахано до 200 тыс. десятин.

Среднедушевой надел был невелик. Когда в 1765 г. производился обмер земли у ленских крестьян, оказалось, что в 93 селениях Чечуйской, Киренской, Криволуцкой и Усть-Кутской волостей проживало в 288 дворах 2 349 ревизских душ. В среднем на двор приходилось 20,7, на душу – 2,5 десятины пашни и сенокоса. В ангаро-илимском районе обеспеченность крестьян земель была в несколько раз выше – в среднем по 8,3 десятины на ревизскую душу [16, с. 167]. Урожайность также была довольно низкая, особенно в северных волостях, и сильно колебалась по годам. Так, в 1765 г. в Киренской волости собрали всего 0,7 пуда с десятины, а на следующий год по 60 пудов. В неурожайные годы ленским крестьянам приходилось закупать хлеб в Бала-

ганском и Иркутском уездах. Обременительные хлебные платежи в казну еще более разоряли крестьян, увеличивая недоимки. Следует сказать, что крестьяне Иркутской губернии вместо 40 коп. оброка в составе подушной подати поставляли в казну окладной хлеб. Причем поставляли не зерно, а муку. К тому же они сами должны были свозить перемолотый хлеб на пристани и доставлять его до Якутска. Оплата всех этих работ «по плакату» была в 3-4 раза ниже действительной. Работы начинались зимой, а возвращались крестьяне из Якутска лишь в октябре–ноябре. Систематический отрыв части крестьян от полевых работ отрицательно сказывался на их хозяйстве, приводил к росту недоимок.

Под угрозой широких крестьянских волнений правительство в 1762 г. отменило не только отсталую систему десятинной пашни, но и хлебный оброк, заменив их денежной рентой. Это заметно стимулировало рост крестьянского хозяйства, сделав его более свободным и ориентированным на рынок. Секуляризация церковных земель в 1764 г. также способствовала развитию земледелия. Она устранила земельные владения монастырей и почти в два раза увеличила ряды крестьянства за счет монастырских крестьян. Так, при ликвидации хозяйства Киренского Свято-Троицкого монастыря в казну поступило 242 бывших монастырских крестьянина, да еще 197 душ, проживавших в Ангинской вотчине монастыря. Из монастырских владений были изъяты 478 десятин пахотной земли, 548 десятин покосов, три мукомольных мельницы, разного скота до тысячи голов [14, с. 42].

Следует заметить, что земледелием занимались не только крестьяне. Как подсобное хозяйство оно имелось практически у всех слоев населения. В 1828 г., например, в Киренском уезде крестьянам принадлежало 9,8 тыс. десятин пашни, казакам 114, духовенству 222, мещанам и купцам 305, инородцам 4,5 десятины [ГАИО. Ф. 7. Оп. 1. Д. 1008. Л. 61]. Среди киренских эвенков земледелием занималось всего 19 душ, проживавших в Нижнеилимской инородческой волости. В 1832 г. они распахали уже 13 десятин земли. Гораздо более впечатляющими были успехи земледелия у прибайкальских бурят. По данным И. Георги, в начале 1770-х гг. в окрестностях Иркутска и на Ангаре посевы имелись примерно в каждом четвертом хозяйстве бурят. В 1810 г. буряты уже возделывали более 16 тыс. десятин земли, и по темпам роста почти не отставали от русского населения. В 1849 г. на долю бурят приходилась примерно треть всех посевов Иркутской губернии.

Подсобной отраслью хозяйства, дополняющей скромный рацион сибиряка, было овощеводство. Каждый крестьянский двор имел приусадебный огород, в котором выращивались для себя различные овощи. Еще в 1745 г. администрация Илимского уезда сообщала, что «огородных овощей, как в городе Илимску, так и в уезде, родитца: капуста, редька, свекла, морковь, репа, лук, чеснок, огурцы, тыква, горох, бобы, семя конопляное – и то родится не по вся ж годы, и то по малому числу. А более никаких овощей не бывает» [16, с. 240]. С 1760-х гг. в ангаро-илимскую и ленскую деревни начинает проникать картофель. В 1767 г. Илимская воеводская канцелярия разослала указы во все волости о разведении картофеля с приложением специальной

инструкции от медицинской коллегии. В следующем году поступили его семена и были произведены первые опыты. В 1815 г. в уезде было посажено 2,7 тыс. пудов картофеля в 6 тыс. грядках. Почти половина посадок приходилось на Макаровскую волость.

Разведением овощей занималась значительная часть городского населения. В 1785 г. киренская городовая управа сообщала, что в городе выращивают огородные овощи: «огурцы, чеснок, бобы, горох, а в некоторых огородах малу часть и земельных яблок» [ГАИО. Ф. 10. Оп. 1. Д. 347. Л. 151]. Некоторую часть овощей киренские мещане отправляли на продажу в Якутск. Еще большие объемы принимали сельскохозяйственные занятия жителей Иркутска. Практически все города региона в той или иной степени сохраняли сельский вид. Связан он был в основном с хозяйственными занятиями городского населения, многие из которых имели огороды, пашни, держали скот и домашнюю птицу. Конечно, все это более было характерно для окраин и предместий городов, но и в центральных кварталах было немало замкнутых усадебных комплексов. Важно отметить, что внешний вид даже самых малых «сельских» городов региона отличался от облика крестьянских поселений, прежде всего некоторой упорядоченностью уличных и дворовых пространств, отражающих организационную систему плановой городской застройки, а также обязательным наличием ярмарок и торжков, лавочно-магазинной торговли и производственно-потребительских интересов городского населения.

Сложные условия земледелия требовали от крестьян большого внимания к развитию животноводства. Хотя оно продолжало оставаться нетоварной отраслью сельского хозяйства, обеспеченность крестьянского хозяйства скотом была достаточно высока. Данные по четырем ленским волостям за 1765 г. показывают, что на 276 дворов, где проживало 2 255 душ муж. пола, приходилось 9 207 голов разного скота, в том числе 1 601 лошадь, 3 095 крупного рогатого скота, 4 511 овец. Таким образом, на один крестьянский двор приходилось 33,4 головы, в том числе 5,8 лошадей. По Киренской волости цифры были еще выше: 42,5 головы, в том числе 7,1 лошадей. На размеры крестьянского стада влияли огромные расстояния, тяжелые таежные условия ведения хозяйства, частая гибель скота от неурожаев, стихийных бедствий, болезней. Тем не менее, среди крестьян были и обладатели значительных стад. Например, Г. Зарукин из д. Банщиковой имел 111 голов, А. Чудинов из д. Половинной – 132, в том числе 22 лошади, А. Шапошников из д. Лазаревой около 120 голов [16, с. 242].

Развитию крестьянского животноводства препятствовал недостаток сенокосных угодий, их разбросанность и удаленность от сел. В 1814 г. население Киренского уезда имело до 46 тыс. голов различных животных. К 1840-м гг. домашнее стадо выросло в 1,4 раза и составило 65 тыс., в том числе до 15 тыс. лошадей, около 20 тыс. рогатого скота, до 30 тыс. овец и коз [14, с. 58].

В целом следует признать, что хлебопашество не могло полностью обеспечить всем необходимым сибирского крестьянина, и он вынужден был заниматься различными промыслами, наниматься на судовые работы, участвовать в перевозке товаров. Весьма характерно в этой связи замечание из наказа

в Уложенную комиссию крестьян Орленгской волости: «Пропитание имели ж в своих урочищах по обе стороны Лены-реки и в нее впадающие речки с лесных промыслов, а не от хлебопашества, понеже и с прежних лет и селение началось и множилось от лесного промысла, а не для хлебопашества» [3, с. 114].

В условиях, когда земледелие не могло обеспечить всех потребностей крестьянского хозяйства края, большое значение приобретали различные промыслы и занятия. Современники отмечали разнообразие форм хозяйственных занятий сибирского крестьянина, который «пренебрегает постоянными работами и идет на удачу в лес или на рыбный промысел» [РГИА. Ф. 1589. Оп. 1. Д. 503. Л. 78]. Важным источником доходов местных крестьян были различные промысловые занятия. Среди них можно назвать рыболовство и охоту, заготовку леса, грибов и ягод, обслуживание сплавов судоходства по Лене, ломку слюды, добычу пушного зверя. Женщины для домашних нужд из овечьей шерсти изготавливали грубое сукно, а изо льна и конопли – холсты. «А из семенистых домов, – указывают источники, – холст, а особливо сукно продают и на сторону» [РГИА. Ф. 1350. Оп. 56. Д. 380. Л. 7].

Среди лесных промыслов некоторое товарное значение имела заготовка кедрового ореха. Так, в 1830-х гг. только из Верхнеудинского уезда в Иркутск доставлялось до 20 тыс. пудов кедрового ореха. Добыча его производилась варварским способом, сопровождалась вырубкой кедрача. В богатой кедровым лесом Илгинской волости, откуда также в значительном количестве орех шел на иркутский рынок, к середине XIX в. промысел его почти полностью прекратился [4, с. 494]. Широкое распространение получили лесные промыслы, связанные с рубкой и первичной переработкой древесины. Основными потребителями леса были городские поселения и казенные заводы. Доставкой в город строительного леса и дров занимались крестьяне ближайшей округи. Они же специализировались на изготовлении смолы, дегтя, древесного угля, драни. Практически каждое крестьянское хозяйство изготавливало для своего обихода изделия из дерева: телеги, сани, дуги, колеса, лодки, бочки, различную посуду. «И сверх земледелия и скотоводства, – сообщали крестьяне Чечуйской волости, – занимаемся рукоделием домов, мелких лодок и посуды деревянной» [16, с. 322]. С превращением Киренска в уездный город быстро возросли его потребности в строительном лесе и дровах. «Круглый» сосновый лес плотами сплавляли в Киренск крестьяне Криволицкой и Марковской волостей. За сотню таких бревен в Киренске платили 15–18 руб. Развитие ленского судоходства привело к превращению судостроительства в одну из наиболее развитых отраслей местного ремесла. Особенностью его было то, что суда строились на один сезон и, достигнув Якутска, продавались там на дрова. Развивалось крестьянское судостроительство также на Байкале и Ангаре.

Особое значение в хозяйственной жизни сибирской деревни имели промыслы, тесно связанные с рынком. В таких массовых добывающих промыслах, как охота и рыболовство, ломка слюды, а позднее в золотопромышленности уже на рубеже XVIII–XIX вв. наблюдалось зарождение раннекапиталистических отношений.

Среди русского населения наибольшее значение охота имела для крестьян Киренского и Нижнеудинского уездов, жителей Баргузинской долины и

севера Восточного Забайкалья. Так, в Киренском уезде многие крестьяне были связаны с пушным промыслом. Почти в каждом дворе были орудия лова. В 1755 г., например, у 175 дворов имелось 10 970 «бельего заводу плах», 50 звериных ям, 57 рыбных ловель. Однако и здесь наблюдалась специализация. В действительности орудия лова были только у 69 хозяйств, причем 18 дворов имели почти 60 % этих приспособлений. Наиболее значительным был зимний промысел. В этот период в лес уходило почти все взрослое мужское население уезда. О массовости этого промысла говорит тот факт, что в 1832 г. у киренских крестьян имелось до 579 тыс. штук различных орудий для ловли пушных зверей (плашек и кулем), т. е. почти по 65 на каждую ревизскую душу.

Массовый пушной промысел, полнейшее отсутствие его регламентации приводили к истощению пушных ресурсов. Охота производилась в любое время года без какого-либо ограничения. Нередко для выгона зверей из леса применялись такие варварские методы, как поджоги – палы, вызывавшие частые лесные пожары. Причиной упадка звериных промыслов были также расширение земельной запашки и пастбищ для скота, вырубка и расчистка лесов. Местная администрация уже в середине XVIII в. была тревогу, опасаясь за своевременное и бесперебойное поступление ясака. Илимский воевода И. Попов сообщал, что пушной промысел падает, так как «звери против прошлых лет очень умалились, оттого, что год от году их, иноверцов, умножаетца и всякий зверь отшатился в незнаемые дальнейшие места». Воевода считал, что пришла пора отказаться от соболиного ясака, а следует обложить эвенков «деньгами, окладом против прежнего с убавкою, ибо они, тунгусы, самые люди бедные». Блюдя государеву пользу, уездные власти запрещали промышленникам в ясачных волостях, отдавая коренному населению и некоторые традиционно русские уголья.

Добыча пушнины была вообще одной из основных специализаций Киренского уезда. По сведениям И. Калашникова, в начале XIX в. здесь ежегодно добывалось от 400 до 600 тыс. белки, 1,5–2,5 тыс. соболей, от 500 до 4 тыс. лисиц, до 4 тыс. горностаев, около 3 тыс. хорьков [8, с. 276–277]. Пушной промысел был почти единственным стимулом развития местных купеческих капиталов, привлекая на ярмарки купцов и приказчиков из Иркутска и других сибирских городов. Ежегодная продажа в уезде колебалась от 500 тыс. до 1 млн руб. Естественно, львиная часть этих денег доставалась пушным торговцам, которые скупали ее на местах за бесценок. Широко практиковалась система кабального одалживания. «Подъем» на промысел обходился крестьянину до 14 руб. серебром, в основном в долг, под будущую добычу. Почти в каждом селе имелся комиссионер крупного пушного оптовика, который держал в своих руках односельчан и инородцев. Долги промысловиков возрастали год от года и передавались детям. «При подобных расчетах, – констатировал Ю. Гагемейстер, – долги нескончаемы и уничтожаются только смертью должника» [4, с. 519].

Звероловство было основным занятием эвенкийского населения, доставляя им пропитание и средства к оплате ясака. Общий доход их от продажи пушнины в 1829 г. составил почти 21,5 тыс. руб., или по 20 руб. на человека.

Среднегодовой же доход русского крестьянского населения только Киренского уезда составлял примерно 42,9 тыс. руб. серебром, достигая в лучшие годы 64 тыс. [РГИА. Ф. 1589. Оп. 1. Д. 521. Л. 35 об.]. Эта сумма составляла около 37 % всего дохода от пушного промысла по Иркутской губернии.

Широко распространенным подсобным промыслом было рыболовство. Им занималось большинство крестьянских дворов на Лене, Ангаре и по берегам Байкала. Так, в Орленской слободе в 1722 г. из 22 дворов имели сети и невода 15. Следует сказать, что в то время рыбные промыслы на Лене отличались богатством и разнообразием. Пушной и рыбный промыслы не только дополняли рацион ленского крестьянина, но и его бюджет. Но основным центром рыбопромышленности региона оставался байкальский бассейн. «Байкал есть депо рыбного продовольствия Иркутской губернии», – метко заметил один из краеведов первой половины XIX в. [10, с. 36]. По самым приблизительным подсчетам, здесь добывали более трети годового сибирского улова рыбы. Наряду с крестьянским промыслом, имевшим главным образом потребительский характер, на Байкале уже в XVIII в. появились крупные рыбопромышленные артели, монополизировавшие промысел. Среди них выделялись Култукская, Каргинская, Березовская, Сухинская и Ольхонская артели, руководителями которых были иркутские купцы [РГИА. Ф. 183. Оп. 1. Д. 14. Л. 1–1 об.]. Кроме того, в различное время рыбопромышленностью на Байкале занимались такие крупные купцы, как М. Сибиряков, П. Артемов, П. Иванов, братья Киселевы. Они имели десятки неводов, парусные суда для доставки работников на промысел и вывоза добытой рыбы, нанимали тысячи работников.

Проникновение торгового капитала в рыболовный промысел приводило к тому, что основная часть дохода сосредоточивалась в руках купцов и арендаторов оброчных статей. Этим объясняется тот факт, что, несмотря на массовое участие крестьян в промысле, доходы их были незначительны. В 1840-х гг. прибыль крестьян Ильинской волости, теснее других связанных с рыболовством, не превышала 8,5 тыс. руб. серебром, что составляло всего около 15 % от всей суммы их неземледельческих доходов [РГИА. Ф. 1589. Оп. 1. Д. 544. Л. 120].

Многие крестьяне уходили на различные заработки в лес, занимались слюдяным промыслом, извозом, обслуживали судоходство по Лене. В 1738–1740-х гг. илимская воеводская канцелярия выдала 314 подорожных и паспортов. Подавляющая часть их бралась крестьянами, искавшими работы в других волостях и уездах, и также на сплаве. Много паспортов выдавалось в неурожайные годы для закупки семян и продовольствия в хлеботорговых районах губернии. В среднем же, по подсчетам В. Н. Шерстобоева, из ленских волостей ежегодно уходило на различные работы не менее 15 % взрослого мужского населения [16, с. 56]. Некоторая часть крестьян и посадского населения участвовала в промысловых экспедициях на острова Тихого океана и Аляску. Так, среди киренских крестьян в конце XVIII в. оказалось пять пайщиков промысловой компании Г. И. Шелихова. Все они имели по одному паю, на который приходилось по 15 бобров-маток, 1 медведю, 14 хвостов,

1 040 котиков, 9 песцов. По справке оказалось, что один из них умер, а остальные «остались на островах».

Для жителей верхней Лены и прибайкальских районов некоторое значение имела ломка слюды, которая использовалась для изготовления окон. Основными районами ее добычи был север Байкала, Витим, Алдан и Олекма. На разработке этих месторождений были заняты сотни местных крестьян. К началу XIX в. слюду повсеместно вытеснило стекло, и размеры промысла значительно упали. Казенные разработки слюды прекратились, многие старые копи были выработаны и пришли в упадок. К 1806 г. функционировал лишь один прииск иркутского купца П. Артенова, открытый в 1796 г. иркутским мешанином Калмыниным. Кроме того, в верховьях р. Согдиондона велись разработки слюды на коях иркутского купца Д. Ширяева, но слюда в них была худшего качества. В качестве рабочих на приисках работали местные крестьяне.

С 1840-х гг. лено-витимская и прибайкальская тайга вновь оживились. Начиналась эра сибирской золотопромышленности. Уже в 1840 г. взяли решение в Киренском земском суде на право поисков золотых месторождений по Лене, Киренге и Витиму иркутский купец И. Кузнецов, кяхтинские М. Курбатов, Ф. Куликов, И. Пахолков, жители Киренска братья Рыбкины. Однако основные разработки золотых месторождений на севере Иркутской губернии начинаются лишь с середины XIX в.

1. *Александров В. А.* Россия на дальневосточных рубежах (вторая половина XVII в.) / В. А. Александров. – Хабаровск, 1984.

2. *Алексеев М. П.* Сибирь в известиях западно-европейских путешественников и писателей / М. П. Алексеев. – Иркутск, 1941.

3. *Белявский М. Т.* Наказы иркутских крестьян в Уложенную комиссию 1767 г. // Источники по истории Сибири досоветского периода. – Новосибирск, 1988.

4. *Гагемейстер Ю. А.* Статистическое обозрение Сибири / Ю. А. Гагемейстер. – М., 1854. – Ч. 2.

5. Записки иркутских жителей. – Иркутск, 1990.

6. *Ионин А. А.* Новые данные к истории Восточной Сибири XVII в. / А. А. Ионин. – Иркутск, 1895.

7. Иркутск в панораме веков. Очерки истории города. – Иркутск, 2002.

8. *Калашиников И. Т.* Краткое описание Киренского уезда Иркутской губернии // Казанские известия. – 1817. – № 66.

9. Крестьянство Сибири в эпоху феодализма. – Новосибирск, 1982.

1. *Aleksandrov V. A.* Russia's Far-Eastern borders (the second half of the XVII c.) / V. A. Aleksandrov. – Khabarovsk, 1984.

2. *Alekseyev M. P.* Siberia in the news of East-European travellers and writers / M. P. Alekseyev. – Irkutsk, 1941.

3. *Beliavskiy M. T.* Irkutsk peasants' mandate to the Committee in 1767 // Sources on the History of pre-Soviet Siberia. – Novosibirsk, 1988.

4. *Gaguemeister Yu. A.* Statistical review of Siberia / Yu. A. Gaguemeister. – M., 1854. – Part 2.

5. Irkutsk dwellers' memoirs. – Irkutsk, 1990.

6. *Ionin A. A.* New facts in History of Eastern Siberia of the XVII c. / A. A. Ionin. – Irkutsk, 1895.

7. Irkutsk throughout centuries. Essays on History of the city. – Irkutsk, 2002.

8. *Kalashnikov I. T.* Short description of the Kirenskiy uyezd (district) of the Irkutsk province // Kazanskiye izvestiya (The news of Kazan). – 1817. – N 66.

9. The Siberian peasantry under feudalism. – Novosibirsk, 1982.

10. *Курбатов А.* Статистические сведения о лесной и рыбной промышленности Верхнеудинского округа // Материалы для статистики Российской империи. – СПб., 1841.
11. *Леонтьева Г. А.* Землепроходец Ерофей Павлович Хабаров / Г. А. Леонтьева. – М., 1991.
12. *Сафронов Ф. Г.* Русские на северо-востоке Азии в XVII – середине XIX в. Управление, служилые люди, крестьяне, городское население / Ф. Г. Сафронов. – М., 1978.
13. Сборник документов по истории Бурятии. XVII в. – Улан-Удэ, 1960. – Вып. 1.
14. *Шахеров В. П.* Социально-экономическое развитие верхнего Приленья в XVII – первой половине XIX в. / В. П. Шахеров. – Иркутск, 2000.
15. *Шерстобоев В. Н.* Илимская пашня / В. Н. Шерстобоев. – Иркутск, 1949. – Т. 1.
16. *Шерстобоев В. Н.* Илимская пашня / В. Н. Шерстобоев. – Иркутск, 1957. – Т. 2.
17. *Шунков В. И.* Очерки по истории земледелия Сибири (XVII век) / В. И. Шунков. – М., 1956.
10. *Kurbatov A.* Statistical data on the timber and fishing industry of the Verkhneudinskiy okrug (region) // Information for the Russian Empire statistics. – St. Petersburg, 1841.
11. *Leotieva G. A.* Explorer Yerophei Pavlovich Khabarov / G. A. Leotieva. – M., 1991.
12. *Saphronov F. G.* The Russians in the north-east of Asia in the XVIIth – second half of the XIX c. Governance, service class, peasants, city dwellers / F. G. Saphronov. – M., 1978.
13. Collected works on the History of Buriatia. The XVIIth c. – Ulan-Ude, 1960. – Issue 1.
14. *Shaherov V. P.* Social and economic development of Upper Prilenye in the XVIIth – the first half of the XIXth c. / V. P. Shaherov. – Irkutsk, 2000.
15. *Sherstoboyev V. N.* The ploughed fields of Ilimsk. V. N. Sherstoboyev. – Irkutsk, 1949. – Vol. 1.
16. *Sherstoboyev V. N.* The ploughed fields of Ilimsk. V. N. Sherstoboyev. – Irkutsk, 1957. – Vol. 2.
17. *Shunkov V. I.* Essays on History of agriculture in Siberia (the XVIIth c.) / V. I. Shunkov. – M., 1956.

Agriculture and Trades of the Irkutsk Province Inhabitants in the XVII-th – Early XIX-th Centuries

V. P. Shaherov

Irkutsk State University, Irkutsk

The article deals with the issue of Siberian agriculture formation. Based on the Eastern Siberia documents it reveals the arrangements of plough fields, and the local authorities' efforts to colonize peasants, settled along the rivers Angara and Lena. The article provides significant evidence of agriculture development, and trade importance in the peasant household.

Key words: Eastern Siberia, colonization, plough field, peasants, dessiatina (tithe), trade.

Шахеров Вадим Петрович – кандидат исторических наук, доцент кафедры истории России Иркутского государственного университета, 664003, г. Иркутск, ул. К. Маркса, 1, тел. 8(3952)240522, e-mail: wodalis@yandex.ru

Shaherov Vadim Petrovich – Candidate of Historical Sciences, Associate professor of the Department of Russian History, the Irkutsk State University, 664003, Irkutsk, Karl Marx St., 1, phone 8(3952)240522, e-mail: wodalis@yandex.ru